Литературная страница

Литературное объединение «Магнит» поддерживает связь со многими творческими коллективами страны. Сегодня у нас в гостях члены литературных объединений Иркутска, Риги и Москвы Станислав АСТАФЬЕВ, Паул СТАРК и Яков ЧЕЛНОКОВ. Предлагаем их стихи вашему вниманию.

Станислав АСТАФЬЕВ.
Иркутск

РЫБАК

А. Деткову.

Ветер свеж на Ангаре,
Водяные крутит бучи.
На вечерней, на заре
Клев, известно, самый лучший.
Еле виден поплавок,
По волнам холодным скачет.
А рыбак совсем продрог —
Только верит он в удачу!
Он вчера корпел не зря,
Для ленка готовил «муху».
В лодку ладил якоря,
Позабыв про лень-старуху.
Ветер свеж на Ангаре,
Водяные крутит бучи.
На вечерней, на заре
Клев, известно, самый лучший.
Тонет, тонет поплавок!
— На сегодня, вроде, хватит!
В лодку плюхнулся ленок
Килограммов эдак на пять.

ЧЕРЕМША

Снова в рейс мне спозаранку
Под бураны и дожди,
Черемши соленой банку
Мне в дорогу положи.
Нет вкусней в дороге дальней
Блюда — хлеба с черемшой.
Ел ее народ кандальный,
Что в Сибирь по трактам шел.
В лихолетья, что частенько
Проносились над страной,
Собирались деревеньки
По весне за травкой той.
Черемша — всегда полезна!
Предков помним мы наказ.
Ото всех спасла болезней
И спасет еще не раз.
Снова в рейс мне спозаранку
Под туманы и дожди.
Черемши соленой банку
Мне в дорогу положи!

СНЕГИРИ

Тридцать градусов
Ниже нолика.
Утро раннее.
Я иду.
Машут метлами
Деды-дворники
И на улицах,
И в саду.
Не помеха им
Стужа лютая.
И мороз им такой
Нипочем —
В шубы теплые
Позакутаны,
Лишь похрустывают
Плечом.
Сыплет крупка на них...
И около,
На сто верст
Не видать ни зги.
Каждый дед был
Когда-то соколом,
Нынче каждый из них
Снегирь!

Паул СТАРК.
Рига.

ЛАТЫШСКИЙ СТРЕЛОК

Кто же знает, когда
началась твоей жизни дорога?
Может, Кокнесский замок,
а, может быть, Айзпутский дом?

Только ветер истории
пеплом дохнет у порога —
ты всегда говоришь
на открытом наречье своем.

Сильный (помнишь — давно,
с косовищем в ладонях тяжелых
ты по ниве ступал
и на старосту взглядывал зло),
ты с винтовкой ушел,
чтобы в битве эпох обожженных
наконец-то поднять
освещенное солнцем чело.

Прибалтийский набат,
звон мечей ты, история, помнишь
и победу друзей
на студеном, на зимнем Чудском...

Время птицей летит,
снова другу уходишь на помощь,
позабыв о себе,
позабыв о пороге своем.

Ты в Тирельском болоте,
на Югле, на острове Смерти,
на самом Перекопе,
хоть не камень, а вышел скалой.

Даже в залпе Авроры
латышский сверкающий ветер,
словно огненный штык,
покачнулся свободой стальной.

Кто тебя оценил
не солдатом, а пушечным мясом?..

Тронул мягко Ильич
за твое горевое плечо,
и ты в Смольный вошел,
первой правдой своей опоясан,
и усталую руку
пожали тебе горячо.

В тебя вера была —
ты ее оправдал многократно.

Не во имя ли жизни
ты встал на гранит у реки?

В этом розовом камне
все, кто в дом не вернулся обратно.

В этом вечном граните
латышские встали стрелки.

Их суровые лица
горючий закат освещает,
их шинели — до пят,
а над ними — сегодняшний день.

Будто взглядом своим
они солнце домой провожают,
и ложится от них
бесконечная длинная тень.

Только память жива,
ее можно потрогать руками,
можно снова пройти
сквозь траншейные рвы до Кремля...

Чтоб гранитными стать,
пронесли вы багряное знамя,
не склонив.
Потому
благодарна вам наша земля.

Перевод с латышского
Александра ПАВЛОВА.

ЮМОРЕСКА

БЕЗ СОБАКИ, КАК БЕЗ РУК

ПРОШЛОЙ осенью, в один из выходных дней, мой знакомый предложил мне съездить на охоту.

Стояли погожие сентябрьские деньки, на полях, мимо которых мы проезжали, шла уборка урожая.

На заднем сиденье автомашины, удобно устроившись, сидела собака по имени Разбой. Вид ее не имел ничего общего с именем. Глуповатое выражение глаз да несметное количество репьев в свалявшейся шерсти вызывали у меня сомнение в охотничьих способностях Разбоя.

Перед поездкой я хотел взять с собой лодку, но мой компаньон заверил меня, что собака натаскана на дичи и работает хорошо.

Но вот и озеро, легкий ветерок слегка рябит поверхность водной глади. Выбираем место, ставим машину. Вскоре уже стоим в камышах, но утка не летает, где-то на середине озера видны ее табуны, а летать не хочет. Что делать? Кричу компаньону:

— Может быть, перекусим чего-нибудь, с утра ведь не ели.

— Давай, — отвечает, — до заката солнца еще больше часа, глядишь, на зорьке и потянет утка.

Достав рюкзак и устроившись на берегу за обрывом, чтобы не доставал ветер, разложили продукты. Разбой прилег рядом с хозяином, положив голову на вытянутые передние лапы, и с явным любопытством наблюдал за нами.

Я бросил ему кусок колбасы, он поймал его на лету, только зубы щелкнули. В этот момент я увидел, как с моей стороны низко над камышами летит в нашу сторону чирок.

Хлеб с колбасой в сторону, ружье — в руках: выстрел, другой... и чирок с легким плеском упал метрах в тридцати от нас на воду. Мы подбежали к самой воде и знакомый стал посылать Разбоя за чирком, но последний бегал по кромке берега, скулил и, очевидно, не понимал, чего от него хотят. Наконец хозяин где-то нашел палку и бросил ее в сторону чирка, палка упала далеко за убитой птицей. Разбой бросился в воду и, энергично работая лапами, быстро поплыл в сторону дичи, проплыл мимо чирка, взял палку и приплыл к нам. Процедуру пришлось повторить — результат был тот же.

Видя бесплодность первых попыток, знакомый взял кусок ссохшейся земли и бросил опять, попав при этом в чирка, — Разбой кинулся опять в воду.

— Ну, теперь принесет, — уверенно говорит мой спутник.

А Разбой тем временем плавал кругами вокруг чирка, круга три сделал и... поплыл к берегу без дичи. Положение наше становилось незавидным, и зачем я только не взял лодку. А Разбой тем временем выбрался на берег и улепетывал со всех ног от своего хозяина, который пытался догнать пса и ударить хворостиной.

Я пошел с ружьем постоять в камышах, может быть, еще налетят утки.

Подошел знакомый, разгоряченный погоней.

— Вот, вражина, ослеп что ли, дичи не видит, — говорил он возбужденно. Я молчал, да и что было говорить.

— Ну ладно, — продолжал он, — ты не расстраивайся, я сейчас сам сплаваю за чирком.

Тут я не выдержал:

— Ты что, с ума сошел? Вода теперь не для купания.

— Ничего не случится, — отвечал он, — не пропадать же дичи, а мне это не впервой.

С этими словами он сел на кочку и начал стягивать сапоги. Вскоре чирок был доставлен, а знакомый, стуча зубами, прыгая на одной ноге, пытался другой попасть в запутавшуюся штанину. Наконец брюки и сапоги были на нем.

— Ах ты, паразит! — с этими словами мой компаньон бросился к тому месту, где мы садились обедать. За нашим импровизированным столом вовсю орудовал Разбой и тут его действия, кажется мне, вполне соответствовали его имени. Мы оба бежали к нему. А Разбой схватил булку хлеба и был таков.

Я не знаю, кому как, а нам было не до смеха: от колбасы остался жалкий кусок, хлеба не было, оставались только помидоры, сырая картошка и банка скумбрии. Ну что было делать? Компаньон не мог согреться даже у жарко полыхавшего костра — его знобило.

Я начал собирать ружья, укладывать в машину и пытался звать собаку. Знакомый говорит: «Не надо звать, он отсюда домой дорогу знает».

Вот так и поохотились, только вот знакомый после этой охоты полмесяца пролежал в больнице.

А Разбой?... На следующее утро после охоты был уже дома.

Ю. КАРПОВ,
мастер ЛПЦ № 7.

Яков ЧЕЛНОКОВ. Москва

Новогоднее

Месяц в небе улыбается,
Замела метель поля.
Полночь другом приближается
И — коснется звезд Кремля.
С Белогривого
вдруг спешенный,
К нам шагает Дед-Мороз,
Весь подарками увешанный...
Только виден красный нос.
Космос песнями венчается
После вахты трудовой,
Космонавты возвращаются,
Чуть уставшие, домой.
Звезды, празднично счастливые,
Завели свой хоровод.
Золотыми переливами
За рекой гармонь поет.
Месяц дивными дорожками
Разукрасил небосвод...
Вижу тройку
из окошка я,
А на тройке
— Новый год!

В зимнем лесу.

Рис. П. Хныкина.

Владимир БОЛОХОВ

ПАРАДОКС

Воскресный день.
Но индустрийный вой,
который — по привычке —
нам не слышен,
висит над каждой
улицей и крышей.
У тишины —
бессрочный выходной.
Мы шумом,
как машинной гарью,
дышим.
И если бы —
хотя б на полчаса —
вдруг испарился
бум земли
железный,
от первобытной тишины —
полезной! —
у нас бы
дыбом
встали волоса
и мысль
заледенела б,
как над бездной.